

Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения

С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитоновна

Для цитирования: Филиппова С. Ю., Харитоновна Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69, № 1. С. 58–75. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.104>

Комплексный анализ воздействия платформизации общественных отношений и государственного управления на право позволяет определить место цифровой платформы в архитектуре современного права. На первый взгляд, платформенное решение представлено как сложный объект гражданского права, объединяющий в функциональное единство различные элементы (программы для ЭВМ, базы данных, произведения, а также оборудование и пр.), по поводу которого возникают общественные отношения. Однако платформизация проявляется не только в применении новых технологий, но и в реализации особой модели ведения деятельности по предоставлению доступа к информации и цифровым сервисам. На этом фоне роль оператора цифровой платформы кажется недооцененной. Используя сравнительно-правовой метод, методы анализа и обобщения, авторы опровергают распространенное мнение об операторах платформ как о посредниках, что позволяет отнести операторов цифровых платформ к инфраструктуре товарного рынка. Внедрение цифровых технологий на уровне платформенных решений, включая технологии Больших данных и искусственного интеллекта, позволяет выявить власть платформ, которая в том числе проявляется в создании собственных правил доступа пользователей к разного рода благам. Речь идет о тех возможностях, которые появляются у оператора цифровых платформ с учетом обладания контролем над имущественным комплексом платформы и в связи с технологическими достижениями по допуску или блокировке допуска пользователей к цифровым сервисам. Существенно расширяется роль индивидуального регулирования, когда на смену правилам, обладающим свойством нормативности, действующим на неопределенный круг лиц и предназначенным для многократного применения, вследствие чего обезличенным и стандартизированным, могут создаваться детализированные под конкретную ситуацию нормы, режим которых находится на стыке между договорным и правовым регулированием. Это позволяет установить, что сегодня в России формируется платформенное право. Архитектура регламентации отношений, включающих использование платформ, может состоять из системы компонентов, образующих несколько уровней правовой регламентации: государственное регулирование; система рекомендательного регулирования, мягкого права и правовых обычаев; правила, разработанные оператором платформы для регламентации использования платформы. Выводы авторов могут быть полезны в контексте обсуждения возможности создания Цифрового кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая платформа, оператор цифровой платформы, платформенное право, Цифровой кодекс.

Филиппова Софья Юрьевна — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; <https://orcid.org/0000-0001-6377-2137>, filippovasy@yandex.ru

Харитоновна Юлия Сергеевна — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; <https://orcid.org/0000-0001-7622-6215>, sovvet2009@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Введение

Информационные технологии пронизывают человеческую жизнь, сопровождая все процессы, начиная с рождения и до смерти человека. По справедливому замечанию А. В. Габова, к числу наиболее значимых изменений можно отнести исключение личного взаимодействия участников отношений, совершение сделок и иных юридически значимых действий между отсутствующими в одном месте лицами, т. е. «дистанционно» или «удаленно» в электронном виде; причем постепенно дистанционное электронное взаимодействие становится преобладающим¹.

Действительно, сегодня между двумя субъектами привычного нам правового взаимодействия появляется некое промежуточное звено — «платформа», на которой осуществляется такое взаимодействие. Возникает множество теоретических и практических вопросов как правового, так и общеправового, этического характера, связанных с процессом коммуникации между «нормальными» участниками отношений, в которую внедряется некто третий — со своим языком, своими смыслами, своими правилами. Юристы вынуждены адаптировать свои представления о правовом взаимодействии с учетом реалий, и сегодня они идут по пути признания факта усиления значения цифровых платформ как «точек входа» в виртуальное пространство для граждан и юридических лиц. Получение государственной услуги, как это называется в России, либо доступ к сервисам и товарам на рынке электронной коммерции, частное взаимодействие — все это возможно только через обращение к специализированной инфраструктуре.

Ученые говорят о формировании «платформенного права», которое заключается в развитии собственного правового регулирования в рамках цифровых платформ². Мы полагаем, исследование особенностей цифровых платформ поможет пролить свет на вопрос, каково влияние феномена цифровых платформ на право.

1. Основные подходы к определению юридической природы цифровой платформы

Платформа, — т. е. сайт в сети Интернет, информационная система, функционирующая по определенным правилам, — управляется оператором — субъектом права, который по каким-то причинам занимается деятельностью по администрированию платформы. Как *инфраструктурное образование*, обеспечивающее техническую реализацию функциональных возможностей сервисов на базе новых технических решений, включая технологии обработки данных и искусственного интеллекта, цифровая платформа представляет собой аппаратное, программное обеспечение³, опосредующее взаимоотношения между разными группами субъектов.

В Докладе Центрального банка Российской Федерации (далее — Банк России) утверждается, что «переход к платформенной экономике, наблюдаемый в настоящее время практически на всех мировых рынках, является естественным следствием совокупности нескольких факторов: это накопленные технологические изменения, совершившие качественный переход от этапа прорыва к этапу практического внедрения, запрос на изменения и снятие географических барьеров

¹ Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235.

² Кашкин С. Ю., Четвериков А. О., Алтухов А. В. Основы платформенного и экосистемного права. М.: Руснайс, 2022. 112 с.

³ Parker G. G., Alstyne Marshall W. V., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York: WW Norton & Company, 2016. P. 256.

со стороны спроса, исчерпание возможностей традиционных бизнес-моделей, в первую очередь с точки зрения маржинальности бизнеса и генерации привычного роста дохода акционеров»⁴.

Как следует из Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»⁵, *цифровая платформа — система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия*. Из этого определения вряд ли можно понять, что за феномен перед нами, каков его правовой режим. И главный вопрос: можно ли говорить, что все платформы, в какой бы сфере они ни использовались, обладают достаточной степенью сходства, чтобы образовывать единое по своей природе явление, или речь идет о различных феноменах?

Полагаем, с позиций структуры гражданского правоотношения платформа представляет собой объект права — имущественный комплекс. Платформа представляет собой *сложный объект, в который объединены в функциональное единство отдельные элементы (программы для ЭВМ, базы данных, произведения, а также оборудование и пр.)*. Определение платформы как сложного объекта необходимо для объяснения единства правовой судьбы отдельных элементов платформы. В силу разнородности объектов, образующих сложный объект, можно говорить, с *одной стороны*, о праве на каждый из объектов, входящих в данный комплекс, и это право зависит от вида объекта и правоспособности обладателя, и, с *другой стороны*, о праве на платформу как единый комплекс, — в последнем случае следует говорить о принадлежности этого комплекса лицу на вещном праве, соответствующем правоспособности. Закон прямо не устанавливает правовой режим и особенности оборота этого комплекса, в частности не устанавливается, какое право возникает на платформу и есть ли ограничения на отчуждение этого комплекса как единого целого или отдельных его элементов. Поэтому для выявления правового режима платформы необходим пообъектный анализ ее состава и цели создания той или иной платформы. Очевидно, что цели создания публичной платформы (например, сайта государственных услуг) и частной платформы (например, сайта обмена информацией цветоводами) будут различаться, и это не может не сказаться на правовом режиме такой платформы, технических требованиях к ней и к ее оператору.

На входящие в комплекс технические средства устанавливается право собственности или иное вещное право в зависимости от правоспособности правообладателя. В отношении технологий, обеспечивающих обработку информации, которые представляют собой программы для ЭВМ, устанавливается исключительное имущественное право. Информация, составляющая содержание информационной системы, представляет собой объект права, являющийся *базой данных*, на нее также устанавливается исключительное право. Весь комплекс инвестиционной платформы как функциональное единство представляет собой сложный объект, имеет правовой режим *имущества* и, как и любые объекты гражданского права, может принадлежать любому субъекту гражданских прав, если иное не установлено законом.

⁴ Экосистемы: подходы к регулированию. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

⁵ Евразийский экономический союз. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.01.2024).

2. Роль оператора платформы в структуре правоотношений

Было бы ошибкой сказать, что феномен цифровой платформы исчерпывается определением ее как объекта права. Согласно Концепции государственного регулирования цифровых платформ и экосистем Министерства экономического развития Российской Федерации⁶ «цифровая платформа — это *бизнес-модель*, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства».

В литературе отмечают, что по своей функциональной направленности цифровые технологические платформы можно классифицировать по следующим группам: 1) платежно-расчетные, осуществляющие финансовые операции и денежные расчеты (Alibaba, PayPal, eBay); 2) информационно-интеграционные, осуществляющие предоставление IT-услуг в цифровом формате (Google, AppStore, Uber, Yandex); 3) инвестиционные, осуществляющие инвестиционные проекты (SoftBank, Booking Holding Inc.); 4) инновационные, осуществляющие развитие техники и технологии (Oracle, SAP, Microsoft), а также 5) обучающие платформы (YouTube, Coursera) и 6) социальные платформы (сети) (Facebook*, Instagram*, VK)⁷.

Также в литературе представлены и иные классификации платформ по различным основаниям (инструментальные, инфраструктурные, государственные, частные, по прикладным выполняемым задачам и т. д.)⁸. Для целей настоящего исследования хотелось бы согласиться с тем, что понимание платформы как некоего интернет-сайта, на котором происходят какие-то процессы, является чрезвычайно общим, и оно включает в себя функционально самые разные интернет-сайты. Мы предлагаем для выявления существа платформизации как социального, экономического и правового феномена рассмотреть устройство и правовое обеспечение некоторых существующих платформ, и в первую очередь обратить внимание на актора, по сути управляющего выявленным платформенным комплексом — оператора цифровой платформы. В российском законодательстве установлены правила только для нескольких типов цифровых платформ. На примере участников коммерческих отношений мы можем выявить несколько общих признаков данных субъектов.

2.1. Оператор инвестиционной платформы

В отечественном законодательстве использование инвестиционных платформ имеет прямое законодательное регулирование.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹

⁶ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=lazqtwvt9z784536434 (дата обращения: 20.01.2024).

⁷ Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.

⁸ Мартынов А. В., Бундин М. В. Платформенное право и его роль в регулировании цифровых технологий // Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий / под общ. ред. А. В. Минбалева. М.; Саратов: Амирит, 2022. С. 229–249.

⁹ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

(далее — «Закон о привлечении инвестиций») инвестиционная платформа — информационная система в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. Согласно п. 3 ст. 2 Закона о привлечении инвестиций, понятие «информационная система» используется в значении, определенном Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁰, которым устанавливается, что информационная система — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (ст. 2). Из системы этих норм с очевидностью следует, что инвестиционная платформа представляет собой комплекс, включающий в себя: а) информацию; б) технологии, обеспечивающие обработку информации; в) технические средства. Этот комплекс функционирует в сети Интернет и предназначен для заключения договоров инвестирования.

При этом оператор инвестиционной платформы в силу ст. 2 Закона о привлечении инвестиций — *хозяйственное общество, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации*, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в реестр операторов инвестиционных платформ. Из закона не усматривается указаний, что оператор непременно должен являться собственником инвестиционной платформы. Нет препятствий к тому, чтобы инвестиционная платформа была получена оператором инвестиционной платформы по договору, предусматривающему временное возмездное или безвозмездное пользование, в доверительное управление и пр. Если инвестиционная платформа — объект права, то оператор инвестиционной платформы — *субъект, участвующий в коммерческой деятельности*.

Характеристика места оператора инвестиционной платформы требует тщательной оценки выполняемой им функций. В коммерческом праве принято выделять структуру и инфраструктуру товарного рынка. Структура товарного рынка включает совокупность звеньев, участвующих в продвижении товара от изготовителя к потребителю, включает производителей, посредников, оптовых покупателей, розничные торговые организации¹¹. Структура товарного рынка образует так называемый канал сбыта, по которому осуществляется движение товара. Оператор инвестиционной платформы ни при каких обстоятельствах не приобретает право собственности на товары, в отношении которых на платформе ведутся операции и которые токенизированы на инвестиционной платформе в виде утилитарных цифровых прав. Оператор не выступает ни продавцом, ни покупателем этих объектов.

Статья 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации ввела понятие «информационный посредник», под которым понимается лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Сегодня весьма часто в литературе место оператора цифровой платформы описывают как место посредника, причем не всегда к такой квалификации ведет

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1). Ст. 3448.

¹¹ Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / под ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. М.: Юрайт, 2016. С. 156–157.

какая-то аргументация. Например, А. В. Габов замечает, что процесс цифровизации внес в существующие отношения значительную корректировку в виде фигуры посредника. «Таким (универсальным) посредником теперь выступает цифровая платформа (также используется иногда равнозначное ему понятие “онлайн-платформа”)¹². Однако почему онлайн-платформа является именно посредником, не объясняется. С позиции структуры товарного рынка оператор инвестиционной платформы не выполняет посреднических функций именно в деле движения товаров. Это связано с тем, что он не совершает юридических действий по приобретению товаров, представленных утилитарными правами — ни от собственного, ни от чужого имени. В связи с этим стоит критически оценить квалификацию места инвестиционной платформы как посредника.

Рассмотрение оператора инвестиционной платформы как посредника и включение его в связи с этим в структуру товарного рынка лишь запутывает понимание его места в системе товарного рынка. Это хорошо видно на следующей оценке, сделанной Банком России. В Докладе Банка России «Экосистемы: подходы к регулированию» констатируется, что развитие *посредничества* в виде платформ привело к расцвету как различных сервисов подобного типа, так и самой бизнес-модели, лежащей в их основе. Теперь для платформ естественной считается функция *квазирегулятора, устанавливающего правила*, следящего за их соблюдением и отвечающего за исполнение контрактов, заключенных с его помощью¹³. Как видим, оператор платформы, по мнению Банка России, одновременно выполняет функции и посредника, и регулятора, устанавливающего правила для субъектов структуры рынка! На наш взгляд, это смещение вызвано неверным пониманием места оператора инвестиционной платформы, который в действительности *не входит в структуру товарного рынка и не является посредником*.

Исходя из функционального анализа деятельности оператора инвестиционной платформы, можно предположить, что он *входит в инфраструктуру товарного рынка*. В инфраструктуру товарного рынка включены организации, обеспечивающие нормальную деятельность субъектов, составляющих структуру рынка¹⁴. Звенья инфраструктуры товарного рынка выполняют самые разные функции. В литературе имеется дискуссия в отношении места организаторов торгового оборота, т. е. лиц, осуществляющих функции по организации взаимодействия звеньев системы. Так, отдельные авторы рассматривают организаторов в качестве отдельной группы участников товарного рынка, не входящих ни в структуру, ни в инфраструктуру товарного рынка¹⁵. Другие исследователи полагают, что организаторы торговли является одним из звеньев инфраструктуры товарного рынка¹⁶. С точки зрения логики построения товарного рынка более последовательно выдержанной и обоснованной представляется вторая позиция, согласно которой организаторы торговли относятся к системе инфраструктуры товарного рынка.

¹² См.: Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ...

¹³ Экосистемы: подходы к регулированию. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴ Ибрагимов Л. А. Инфраструктура товарного рынка: Учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ, 2007. С. 9.

¹⁵ См., напр.: Абросимова Е. А. Организаторы торгового оборота: правовой статус и функциональное назначение: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

¹⁶ См., напр.: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 593 «О Комплексной программе развития инфраструктуры товарных рынков Российской Федерации на 1998–2005 годы»; Андреева Л. В. Современные правовые проблемы развития торговой инфраструктуры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 36–43. СПС «Гарант».

Таким образом, в качестве промежуточного вывода отметим, что оператор инвестиционной платформы функционально не является посредником, а выполняет функции организатора торгового оборота.

К оператору инвестиционной платформы на законодательном уровне предъявляется ряд требований, которые касаются: а) имущественной устойчивости оператора; б) участников оператора, имеющих право распоряжаться 10 % и более голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющих уставный капитал оператора инвестиционной платформы; в) единичного исполнительного органа оператора. Вся совокупность этих требований призвана создать условия для того, чтобы оператор инвестиционной платформы был *надежным* субъектом.

Во-первых, обратим внимание, что указание на то, что оператором является хозяйственное общество, содержится не в ст. 10 Закона о привлечении инвестиций, которая как раз и посвящена требованиям к оператору, а в ст. 2 этого Закона, где содержатся основные понятия. Можно говорить о том, что возможность быть оператором инвестиционной платформы включена в специальную правоспособность хозяйственных обществ, и здесь можно сделать отсылку на давний спор о том, что есть правоспособность вообще, и о возможности существования «общей» правоспособности. Например, В. И. Синайский полагал, что, если для физического лица базовым является отсутствие ограничений, для других субъектов, напротив, именно отсутствие правоспособности рассматривается как базовый вариант. Он отмечал, что юридические лица различаются по своей организации и целям, не имеют, как человек, общей правоспособности, а лишь специальную правоспособность, которая для каждого юридического лица специально предусматривается законопорядком. Поскольку законопорядок не предусмотрел правоспособности для данного юридического лица, постольку это лицо предполагается неправопособным¹⁷. В современной литературе сходного подхода придерживается Н. В. Козлова, также полагая, что все юридические лица обладают специальной правоспособностью¹⁸. Из приведенной ситуации с оператором инвестиционной платформы можно сделать предположение, что специальная правоспособность предполагает не только ограничения правовых возможностей, предоставляемых «в общем» и образующих общую правоспособность, но и, напротив, открытие правовых возможностей только для определенного субъекта (в данном случае — это юридическое лицо в форме хозяйственного общества). В концепцию специальной правоспособности оператора инвестиционной платформы вполне укладывается норма ч. 1 ст. 10 Закона о привлечении инвестиций, согласно которому оператор инвестиционной платформы не вправе совмещать свою деятельность с иной деятельностью финансовой организации, за исключением видов деятельности, предусмотренных ч. 2 ст. 10 этого Закона.

Во-вторых, названным законом установлено требование о включении оператора инвестиционной платформы Банком России в реестр операторов инвестиционных платформ. Это требование вполне укладывается в систему способов государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В-третьих, из числа наиболее любопытных требований можно упомянуть установленное п. 3 ст. 10 Закона о привлечении инвестиций требование к собственным средствам (капитала) оператора инвестиционной платформы, который должен составлять не менее 5 млн руб. Отметим, что данное требование предъявляется не к размеру уставного капитала, т. е. это не условная величина, отраженная

¹⁷ Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 1: Общая часть. Вещное право. Авторское право. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Типо-лит. «Прогресс», 1917. С. 44.

¹⁸ См. об этом: Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005.

в уставе, зачастую, мало связанная с фактическим наличием имущества. Сумма в 5 млн руб., возможно, и не выглядит как чрезмерно большая (в сравнении с требованиями с другими операторами), но все же весьма существенная в сравнении с минимальным размером уставного капитала, установленного для обществ с ограниченной ответственностью в сумме 10 тыс. руб.

В-четвертых, весьма показательно требование, предъявляемое к участнику оператора — физическому лицу, а также к единоличному исполнительному органу оператора, которое в силу закона не может иметь неснятую или непогашенную судимость за преступления в сфере экономики или преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Это требование можно отнести к числу так называемых репутационных требований. Банком России установлен ряд подобных требований для участников различных субъектов. Например, утверждено Положение от 25 декабря 2020 г. № 748-П «О требованиях к финансовому положению и деловой репутации акционеров (участников) бюро кредитных историй и лиц, под контролем или значительным влиянием которых находятся акционеры (участники) бюро кредитных историй, ведении Банком России государственного реестра бюро кредитных историй». Этим положением введены следующие требования к деловой репутации акционеров (участников) бюро кредитных историй: отсутствие непогашенной или неснятой судимости за преступления в сфере экономики, преступления против государственной власти, умышленные преступления; отсутствие факта назначения наказания в виде дисквалификации, срок которого не истек; отсутствие факта привлечения к административной ответственности два и более раза в течение трех лет; отсутствие лица в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, или в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового уничтожения; отсутствие факта принятия межведомственным координационным органом, осуществляющим функции по противодействию финансированию терроризма, решения о замораживании (блокировании) денежных средств или иного имущества; отсутствие факта привлечения к уголовной ответственности в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом за неправомерные действия при банкротстве юридического лица, преднамеренное и (или) фиктивное банкротство юридического лица (в отношении акционера (участника) квалифицированного бюро и лица, под контролем или значительным влиянием которого находится акционер (участник) квалифицированного бюро). Можно заметить сходство оснований в данном положении и требований Закона о привлечении инвестиций.

2.2. Оператор информационной системы выпуска цифровых финансовых активов

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА) регламентирует использование еще одной платформы — информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Требования к оператору этой информационной системы установлены ст. 5 Закона о ЦФА. Согласно п. 5 ст. 5 этого Закона Единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа, члены коллегиального органа управления, главный бухгалтер, руководитель службы внутреннего контроля,

руководитель службы управления рисками оператора информационной системы должны соответствовать требованиям к квалификации и деловой репутации, в частности речь идет о требованиях к образованию (высшее), опыту работы не менее двух лет. В отношении репутации предусмотрено, что указанные лица не могут иметь неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления; быть подвергнутыми административному наказанию в виде дисквалификации; два и более раза в течение последних трех лет в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом привлекались к административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве юридического лица, преднамеренное и (или) фиктивное банкротство юридического лица (за исключением случая, если такое административное правонарушение повлекло административное наказание в виде предупреждения), и др.

Функционально место оператора информационной системы, в которой производится выпуск ЦФА определить весьма непросто. Оператор не совершает сделок с ЦФА, выпущенными в информационной системе, — ни от своего имени, ни от чужого имени, поэтому он не может быть отнесен к посредникам.

2.3. Оператор платформ, обеспечивающих сбор личных сведений (цифрового следа, цифровой тени) и их обработку (цифровой профиль)

Возможности пользования платформами, получения доступа к информации и сервисам ограничиваются соответствующими лицензионными соглашениями, терминами и политиками приватности. Во многих странах известны финансовые кредитные рейтинги потребителей¹⁹, и в последние годы также наблюдается распространение рейтинговых систем в отношении онлайн-платформ и «экономики совместного использования», таких как Яндекс, eBay, Uber, Airbnb и др. Таким образом, несоответствие данных о пользователе каким-либо критериям не позволяет ему получить доступ к различным благам в виртуальном и реальном мире, что получило название персонализации права.

Важнейшим средством реализации идеи пресонализации правового регулирования становится внедрение цифрового удостоверения личности (цифрового паспорта), цифровой валюты центрального банка. Возможность цифровизации контроля и управления поведением субъектов общественных отношений связана с ограничениями, которые возникают в связи с неодобрением оператором цифровой платформы тех или иных активностей, оцененных алгоритмом.

Таким образом, приведенные примеры правового регулирования статуса операторов цифровых платформ показывают, что оператор не выступает, во всяком случае выступает не всегда, как это следует из прямых указаний законов, посредником в юридическом смысле, а скорее выполняет функции организатора торгового оборота или обмена информацией.

3. Оператор цифровой платформы как регулятор общественных отношений

Власть цифровых платформ сегодня не только проявляется в экономической сфере, но и позволяет говорить об оспаривании власти суверенного государства в сфере установления правил и обеспечения верховенства закона.

¹⁹ Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в китайской Народной Республике // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24, № 3. С. 86–97.

М. Роблес-Каррильо (M. Robles-Carrillo) высказывает обоснованные, на наш взгляд, опасения: «Платформы, похоже, выходят из-под контроля государств и правовых норм»²⁰.

Речь идет о тех возможностях, которые появляются у оператора цифровых платформ с учетом обладания контролем над имущественным комплексом платформы и в связи с технологическими достижениями по допуску или блокировке допуска пользователей к цифровым сервисам.

Что происходит со структурой правовой связи, в которую вмешивается оператор платформы, каковы источники правового регулирования отношений в этом случае, что собой представляет само явление платформизации как неотъемлемой части современной реальности? Все эти вопросы встают перед современной юридической наукой. В литературе отмечают, что продукты цифровых технологий могут возникать и обращаться в пределах информационных систем по тем же правовым нормам, что обычные товары, работы, услуги. Но действительно ли это так?

Существенно расширяется роль индивидуального регулирования, когда на смену правилам, обладающим свойством нормативности, действующим на неопределенный круг лиц и предназначенным для многократного применения, вследствие чего обезличенным и стандартизированным до такой степени, что зачастую практически выхолащивается их содержание, могут создаваться детализированные под конкретную ситуацию правовые нормы, режим которых находится на стыке между договорным и правовым регулированием. Цифровая революция создала базы данных с богатой личной информацией, которые используются для персонализации других секторов и других видов лечения, которые раньше были единообразными. Может ли юриспруденция стать индивидуальной и принести огромные социальные выгоды, как персонализация лечения различных людей, не нарушая равенства и не низвергая верховенство закона?

По существу, Большие данные могут регулировать и оттачивать разработку правовых норм. Юристам следует уже сейчас разрабатывать нормы, регулирующие ситуации, когда автономные алгоритмы смогут дополнить и заменить человеческое усмотрение в определении «оптимальных» правовых норм и находить соответствующие различия между людьми и использовать их для персонализации санкций, прав и обязанностей²¹. Персонализированное право — это своевременный, почти неизбежный запрос. Технология, позволяющая внедрить персонализацию, вполне может обеспечить преимущества персонализированного права при условии установления необходимых ограничений и гарантий.

Доведение информации о структуре и содержании правового взаимодействия также меняется, оно обеспечивает персонализированное раскрытие информации, основанное на информационных потребностях человека и его личных предпочтениях. Например, информационные технологии могут быть использованы для адаптации раскрытия информации в потребительском праве и праве о неприкосновенности частной жизни с учетом неоднородности пользователей. Последствием персонализации онлайн-сервисов цифровых платформ становятся снижение контроля за соблюдением законодательства и отступление от принципа верховенства права в цифровой среде. С появлением Интернета вещей тенденцией будущего, по крайней мере сейчас это видно в законодательстве о конфиденциальности данных, может стать сочетание персонализированных настроек

²⁰ Robles-Carrillo M. Digital Platforms: A Challenge for States? // The Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. P. 49–62.

²¹ Ben-Shahar O., Porat A. Personalized law: Different rules for different people. Oxford: Oxford University Press, 2021.

по умолчанию, реализуемых с помощью виртуальных персональных помощников, и лишь иногда активного выбора со стороны пользователя²².

В связи с этим встают вопросы, связанные с применением классических инструментов защиты слабого субъекта в частноправовой сфере — правила публичного договора и договора присоединения (ст. 426, 428 ГК РФ). Если правила взаимодействия разработаны с помощью алгоритма индивидуально для каждого из сотен миллионов пользователей, то применяются ли возможности защиты от навязанных условий, предусмотренные для договора присоединения и можно ли считать такие условия стандартными?

4. Цифровой кодекс Российской Федерации и структура платформенного права

Сегодня весьма актуальны дискуссии о том, что появление технологии Больших данных и регулирование доступа пользователей к онлайн-сервисам на цифровых платформах на основе алгоритмов может кардинально изменить дизайн и структуру правового регулирования. Причины тому лежат в скорости развития технологий, вследствие чего стандартный законодательный процесс пробуксовывает и в качестве вынужденной меры необходимо использование децентрализованного правотворчества, легализуя систему регулирования, формируемую самими участниками правовой коммуникации. В связи с этим возникают новые риски и новые вызовы, которые только еще предстоит осознать и каким-то образом нивелировать.

Основываясь на анализе правил платформ, правоведы в России приходят к выводу, что традиционные механизмы правового регулирования становятся малоэффективными и требуют реформирования и адаптации к цифровому пространству. Так, на фоне общей озабоченности законодателей вопросами соблюдения принципов верховенства закона и права как более широкого понятия в литературе обосновано, что требуется согласование автоматизированного алгоритмического принятия государственных решений с ценностями верховенства права²³. С. А. Грачева верно указывает: «Несмотря на то что требования по утверждению и соблюдению принципа верховенства права закреплены во многих соответствующих актах (международных договорах, соглашениях, декларациях и хартиях, уставах и документах ведущих межгосударственных организаций), особое значение все же имеет такое регулирование верховенства права, действенность которого обеспечивается специальными механизмами его гарантирования»²⁴.

Таким образом, возникает некая конкуренция между нормами закона и правилами платформ в регулировании общественных отношений в цифровой среде. Видимо, сегодня стоит признать, что классическое правовое регулирование посредством нормативных правовых актов не справляется с регламентацией отношений, возникающих в связи с использованием информационных систем (платформ). Во-первых, сами платформы разнородны (об этом речь шла выше), во-вторых, стремительно развиваются технологии и законодатель физически не имеет возможности так быстро адаптировать правовые предписания к меняющейся реальности.

²² *Busch C.* Implementing Personalized Law: Personalized Disclosures in Consumer Law and Data Privacy Law // *The University of Chicago Law Review*. 2019. No. 86. P. 203.

²³ *Zalnieriute M., Moses L. B., Williams G.* The rule of law and automation of government decision-making // *The Modern Law Review*. 2019. No. 82 (3). P. 425–455.

²⁴ *Грачева С. А.* Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // *Журнал российского права*. 2014. № 4. С. 33–45.

Нам видится, что архитектура регламентации отношений, включающих использование платформ, может состоять из системы компонентов, образующих несколько уровней правовой регламентации.

4.1. Первый уровень — государственное регулирование

Как мы уже отметили, существует множество разных видов платформ, и, исходя из оценки существующих тенденций, число таких платформ будет множиться. В литературе принято в качестве ведущей угрозы указывать проблему цифрового суверенитета, состоящую в размывании государственных границ за счет экстерриториальности интернета²⁵. Вместе с тем как раз эта проблема видится решаемой, поскольку право действует по кругу лиц, каждое лицо — участник отношений находится в том или ином государстве, поэтому не выглядит проблематичным определение правовых предписаний, действующих в отношении конкретного субъекта права. Для нас более сложным видится вопрос разрешения коллизий внутри одной (российской) правовой системы. Отношения, для реализации которых используются платформы по традиционной правоотраслевой структуре, относятся к разным отраслям права. Мы можем видеть платформизацию самых разных сфер бытия. В том случае, если исходить из того, что каждая сфера регламентируется соответствующим кодексом, законом, в том числе и порядок участия операторов платформ, мы приходим к состоянию, в котором отсутствует возможность обеспечить единообразие в регулировании статуса субъектов, осуществляющих сходные функции. Более того, в том случае если на одной платформе одновременно реализуются разные отношения, статус ее оператора и требования к ее функционированию должны подчиняться одновременно разным правилам, возможно даже и взаимоисключающим. Понятно, что это не добавляет определенности правовому регулированию и дурно сказывается на состоянии правосознания и правовой культуре в целом. Предсказуемость и последовательность служат повышению уверенности всех, кому адресовано право, и эффективности применения закона, включая единообразие судебной практики. Равенство перед законом закреплено во многих Основных законах государств. В Российском праве установлено, что все равны перед законом и судом. Статья 19 Конституции Российской Федерации предусматривает, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Все обозначенные компоненты взаимосвязаны и перекликаются между собой.

В связи с этим встает вопрос о необходимости единообразного регулирования правового положения оператора информационной системы (платформы), установления единых требований к идентификации субъектов, действующих в сети Интернет, принципов обеспечения безопасности для жизни, здоровья и имущества использования информационных технологий. Для того чтобы эти отношения были урегулированы системно, логично было бы использовать единый системный нормативный правовой акт — «Цифровой кодекс Российской Федерации» (далее также — Цифровой кодекс), причем для избежания классических сложностей с определением места такого кодекса в иерархии нормативных правовых актов в идеале было бы придать ему правовой *режим конституционного*

²⁵ См. об этом, напр.: Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10–15.

закона. В этом случае были бы сняты проблемы соотношения Цифрового кодекса с Гражданским, Семейным, Трудовым, Земельным, Налоговым и прочими кодексами Российской Федерации и мог бы обеспечиваться эффект метарегулирования, исключающего возможность вытеснения правил цифрового кодекса, исходя из правил *lex specialis derogat lex general*. Согласно концепции Федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации», проходящей общественное обсуждение в России, установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при формировании, обороте, потреблении и защите информации, в том числе с использованием информационно-коммуникационных (цифровых) технологий и связи, необходимо на современном этапе развития общественных отношений в виртуальной реальности.

Одной из целей кодификации общественных отношений является обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека в информационной сфере, прав юридических лиц, обеспечение информационной безопасности человека, общества и государства. Полагаем, выработка правил в отношении цифровых платформ и особенностей их взаимодействия с пользователями и государством позволит достичь указанной цели и представить возможность соблюдения принципа верховенства права в цифровой среде с учетом обозначенных особенностей.

Соответственно, в Цифровом кодексе могли бы быть определены общие технические требования к платформам в части обеспечения конфиденциальности информации, сбора и анализа информации, предоставленной пользователями, а также специальные требования для типов платформ (финансовые (расчетные), инвестиционные, инновационные, информационно-интеграционные, обучающие, социальные и пр.). Кроме того, в Цифровом кодексе могли бы содержаться организационные, имущественные и квалификационные требования к операторам платформ, в этой части возможно использование бланкетного регулирования с отсылкой на иные федеральные законы.

В Цифровом кодексе можно аккумулировать все правила, которые будут адресованы в первую очередь не пользователям платформ, но самими операторам платформ, которые потеряют возможность в произвольном порядке регламентировать права и обязанности своих пользователей. Необходимо сосредоточиться на выработке оптимальных подходов к сдерживанию правотворчества цифровых платформ и установлению легальных механизмов их взаимодействия с пользователями и государством в рамках принципа верховенства права.

В зависимости от структуры и содержания правового взаимодействия основных участников взаимодействия должны применяться «традиционные» нормативные правовые акты, соответствующие предмету правового регулирования. Такая система, как нам видится, позволяет минимизировать влияние цифровизации на правовую систему, максимально сохранив классические договорные конструкции — как бы «вынеся за скобки» — путем специального единообразного регулирования Цифровым кодексом платформизацию и связанные с этим изменения структуры правовой коммуникации.

4.2. Второй уровень — система рекомендательного регулирования, мягкого права и правовых обычаев

Насущная потребность механизма восполнения пробелов правовой регламентации, вызванная лавинообразным технологическим развитием, может решаться путем делегирования на уровень саморегулирования регламентацию текущих

процессов взаимодействия субъектов в той или иной сфере. Если для отдельных сфер (инвестиционные платформы, биржи, организаторы торгов) восполнение пробелов может осуществляться ЦБ РФ, то для множества частных платформ не существует государственного регулятора, от которого можно было бы ожидать принятия нормативных правовых актов. Например, речь может идти о сайте знакомств, платформе обмена букинистическими изданиями и пр. Нужно ли впадать в этактизм и назначать для любой платформы государственный регулятор? Нам очевиден отрицательный ответ на этот вопрос. Пусть нумизматы сами устанавливают нормальные стандарты функционирования своих платформ, равно как и владельцы африканских ежей могут обмениваться советами по содержанию питомцев без привлечения государства. Механизм действия актов мягкого права (сводов унификации, принципов и пр.) подробно описан в юридической литературе. В части регламентации деятельности платформ существуют подобные правила. Так, Европейская комиссия, описывая взаимодействие между участниками отношений, связанных с Большими данными, отметила нецелесообразность жесткого нормативного регулирования и целесообразность использования именно рекомендаций²⁶.

Источником права в данном случае является своего рода «мудрость толпы», или «народный дух», который знает, как правильно поступить в той или иной ситуации. В основе этой мудрости — исконное чувство права и справедливости, встроенное в подкорку, в обыденное правосознание, впитанное со сказками и колыбельными и составляющее основу человеческой личности. Кстати, в современной жизни можно порассуждать об угрозе со стороны технологий для этого народного духа. С конца 2023 г. генеративная система Яндекса — ChatGPT, интегрированный в интеллектуальную помощницу Алису, тестируется для обеспечения функций воспитания и обучения маленьких детей. Алиса может *придумать* сказку для ребенка. Это существенно иная возможность, чем *прочитать* существующую сказку из имеющихся терабайтов информации. Ведь в сказку, которую ребенок слышит от матери, заложено определенное послание, часть культурного кода нации, выкристаллизованное за столетия пути народной сказки к ребенку. Через народную сказку и колыбельную к ребенку переходит часть этого народного духа, который и позволит ему в дальнейшем стать звеном системы, творящей право этого уровня. Алисины сказки лишены культурного кода нации, у Алисы нет и не может быть чувства добра. Может быть, с людьми, выросшими на сказках нейросети, человечество безвозвратно утратит свою самость, человечность. И тогда о регламентации на уровне обычая мы более говорить не сможем.

4.3. Третий уровень — правила, разработанные оператором платформы для регламентации использования платформы

Каждый оператор платформы составляет правила пользования своей платформой. Правовое основание для создания таких правил состоит для публичных платформ в делегированном правотворчестве, а для частных платформ — в хозяйственном господстве над собственным имуществом. Постольку, поскольку платформа представляет собой имущество — сложный объект, состоящий из компьютерных программ, баз данных, оборудования, произведений и пр., собственник

²⁶ Commission Staff Working Document Guidance on sharing private sector data in the European data economy Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions «Towards a common European data space» SWD/2018/125 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=SWD%3A2018%3A125%3AFIN> (дата обращения: 20.01.2024).

этого объекта, пользуясь своими правами в рамках абсолютного правоотношения собственности, может формировать правила, по которым он допускает других лиц к использованию своей платформы. Так же как собственник сада может пустить в него кого хочет на любых условиях (за плату или бесплатно, только в специальной одежде, только по вторникам или в июле), так и собственник сложного объекта — платформы — вправе устанавливать правила допуска к своему объекту. Например, он может позволить писать комментарии на своем сайте, но запретить нецензурную лексику, политические обсуждения. Он может даже заблокировать по своему усмотрению доступ любому пользователю. При этом правила, которые применяются для государственного правотворчества, не связывают операторов цифровых платформ при создании пользовательских соглашений и кода, ограничивающего возможности пользователей. То есть фактически существуют нарушения основополагающих элементов принципа верховенства права: не гарантируется юридическое равенство, права и основные свободы человека, напротив, выявлены множественные случаи дискриминации со стороны алгоритмов платформ; отсутствует упорядоченность и предсказуемость поведения участников правоотношений, возможность планирования и координации действий на протяжении определенного периода и т. д. И это при том, что общепризнанно, что возможности государства в процессе правотворчества ограничены естественными, неотъемлемыми правами человека и гражданина. Также учитывается целесообразность создания нормативных установлений с учетом перспектив саморегулирования в отрасли.

Ситуации, когда такая полная свобода усмотрения и установления собственных правил для оператора платформы должна быть ограничена, могут быть названы в Цифровом кодексе. Например, по аналогии с транспортом общего пользования может быть установлен специальный правовой режим платформы общего пользования, для использования которой может быть установлен некий минимальный набор правил и пределы самостоятельной регламентации оператором платформы правил пользования платформой. Допуская, что «право формируется независимо от воли законодателя», исследователи процесса правообразования отмечают, что «на этапе правотворчества решающее значение приобретает сознание (и деятельность) субъектов, осуществляющих правотворчество»²⁷ (органов законодательной власти, субъектов законодательной инициативы и экспертизы). Данное условие не соблюдается, если правила создаются операторами платформ, исходя из их коммерческих целей деятельности.

Прозрачность и подотчетность правотворцев предполагают, что органы власти подчиняются требованиям публичности принимаемых решений, отвечают за них перед обществом. Прозрачность в государственном управлении гарантирует юридическую уверенность и повышает уровень легитимности в процессе принятия решений²⁸. Прозрачность процесса и системы принятия решений обеспечивает подотчетность лиц, принимающих решения. Можно ли то же утверждать в отношении операторов цифровых платформ?

Какие есть возможности для реализации приведенных установлений в сфере выработки платформенных решений и ограничений? Ответом на поставленные вопросы по созданию правил правообразования на платформах может стать Цифровой кодекс.

²⁷ Афанасьев В. С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 4–14.

²⁸ Jashari M., Pepaj I. The role of the principle of transparency and accountability in Public Administration // Acta Universitatis Danubius. Administratio. 2018. No. 10 (1). P. 60–69.

В связи с выдвиганием условий и правил на стороне цифровых платформ в государствах возникает необходимость установления ограничений для вмешательства операторов платформ в правотворчество и правообразование. Формальная определенность правовых норм, регламентирующих цифровые правоотношения, возможна не только в рамках законодательства, но и в локальных цифровых актах интернет-платформ, которые не противоречат нормативной базе государства.

Возникает очень интересный вопрос о том, можно ли ожидать, что генеративные технологии (нейросеть) смогут самостоятельно формировать нормы правовой регламентации для людей. С точки зрения технической задача выглядит вполне решаемой. Вместе с тем отсутствие чувства добра на сегодняшний день служит критическим препятствием. Кроме того, остается этически небесспорной ситуация регулирования *человеческой* деятельности *не человеком*.

Выводы

Цифровые платформы представляют сегодня неотъемлемую часть общественной жизни. С точки зрения права они могут быть рассмотрены в разных ипостасях: как объекты прав в виде имущественного комплекса, как обозначения бизнес-моделей во главе с оператором, как источники децентрализованного правотворчества. При этом мы наблюдаем двунаправленный процесс формирования законодательства, регулирующего некоторые аспекты работы цифровых платформ и деятельности операторов, а также создание платформенного права, которое, не претендуя на признание отраслью права, набирает силу пропорционально растущей экономической мощи цифровых платформ. Признаками платформенного права можно назвать следующие:

- возникает как правотворчество операторов цифровых платформ;
- носит индивидуальный характер регулирования;
- динамично и основано на учете поведенческого контроля за пользователем.

Статья поступила в редакцию 21 января 2024 г.
Рекомендована к печати 27 декабря 2024 г.

Digital platforms in law and the law of digital platforms: New challenges for the legislator and ways to deal with them

S. Y. Filippova, Y. S. Kharitonova

For citation: Filippova S.Y., Kharitonova Y.S. 2025. Digital platforms in law and the law of digital platforms: New challenges for the legislator and ways to deal with them. *Pravovedenie* 69 (1): 58–75. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.104> (In Russian)

A comprehensive analysis of the impact of platformization of social relations and public administration on the law allows us to determine the place of the digital platform in the modern law architecture. At first glance, the platform solution is presented as a complex object of civil law, combining in a functional unity a variety of elements (computer programs, databases, works, as well as equipment, etc.), in relation to which public relations arise. However, platformization is reflected not only in the application of new technologies, but also in the implementation of a special model of conducting activities to provide access to information and digital services. On this basis, the role of the digital platform operator seems

to be underrated. Using the comparative-legal method, methods of analysis and generalization, the authors refute the widespread view of platform operators as agents does not find its confirmation in the legislation, which allows digital platform operators to be attributed as commodity market infrastructure. The implementation of digital technologies at the level of platform solutions, including Big Data and artificial intelligence technologies, reveals the power of platforms, which, among other things, is manifested in the creation of their own rules for users' access to various benefits. This refers to the opportunities that arise for the operator of digital platforms, given the control over the property complex of the platform and in connection with technological advances in allowing or blocking the admission of users to digital services. The role of individual regulation is significantly expanding, when the rules that have the property of normativity, are applicable to an indefinite number of persons and are intended for repeated use, and therefore impersonal and standardized, can be replaced by legal norms detailed for a specific situation, the regime of which is at the intersection between contractual and legal regulation. This allows us to determine that today in Russia the concept of platform law forms. The architecture of regulation of relations involving the use of platforms may consist of a system of components that form several levels of legal regulation: state regulation; a system of advisory regulation, soft law and legal customs; rules developed by the platform operator to regulate the use of the platform. The authors' conclusions may be useful in the context of discussing the possibility of creating a Digital Code of the Russian Federation.

Keywords: digital economy, digital platform, digital platform operator, platform law, Digital Code.

References

- Abrosimova, Elena A. 2014. *Organizers of trade turnover: Legal status and functional purpose*. PhD in Law thesis. Moscow. (In Russian)
- Afanasiev, Vladimir S. 2008. Legal formation and law-making. *Iuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* 1 (4): 4–14. (In Russian)
- Andreeva, Lyubov V. 2023. Modern legal problems of trade infrastructure development. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 4: 36–43. (In Russian)
- Ben-Shahar, Omri, P. A. 2021. *Personalized law: Different rules for different people*. Oxford, Oxford University Press.
- Busch, Christoph. 2019. Implementing Personalized Law: Personalized Disclosures in Consumer Law and Data Privacy Law. *The University of Chicago Law Review* 86: 309–333.
- Gabov, Andrey V. 2022. Online dispute resolution of the participants of digital platforms (ecosystems). *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* 1: 208–235. (In Russian)
- Gracheva, Svetlana A. 2014. Doctrine of the rule of law and judicial legal positions. *Zhurnal rossiiskogo prava* 4: 33–45. (In Russian)
- Ibragimov, Lenar A. 2007. *Infrastructure of the commodity market: Textbook for university students*. Moscow, UNITY Publ. (In Russian)
- Jashari, Mura. P. I. 2018. The role of the principle of transparency and accountability in Public Administration. *Acta Universitatis Danubius. Administratio* 10 (1): 60–69.
- Kartskhia, Alexander A. 2019. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign experience of regulation. *Grazhdanskoe pravo* 3: 25–28. (In Russian)
- Kashkin, Sergey Yu., Chetverikov, Artem O., Altukhov Alexey V. 2022. *Fundamentals of platform and ecosystem law*. Moscow: Rusains Publ. (In Russian)
- Kozlova, Natalia V. 2005. *Pravosubjectivity of a legal entity*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Martynov, Alexey V., Bundin, Mikhail V. 2022. Platform law and its role in the regulation of digital technologies. *Law and other regulators in the development of digital technologies*. Minbaleev A. V. (ed.). Moscow: 229–249. (In Russian)
- Parker, Geoffrey, Marshall, van Alstyne, Choudary, Sangeet Paul. 2016. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. New York, WW Norton & Company. Available at: https://ilp.mit.edu/sites/default/files/2020-01/Parker.2017.ICT2_.pdf (accessed: 30.01.2024).

- Puginsky, Boris I., Belov, Vadim A., Abrosimova, Elena A. (eds). 2016. *Commercial law: textbook for academic bachelor*. Moscow. (In Russian)
- Razumov, Egor A. 2019. Digital dictatorship: features of the social credit system in the People's Republic of China. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* 24, 3: 86–97.
- Robles-Carrillo, Margarita. 2022. Digital Platforms: A Challenge for States? *The Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework*. Singapore, Springer Nature Singapore: 49–62.
- Sinaisky, Vasily I. 1917. *Russian civil law. Iss. I: General part. Proprietary law. Copyright. Edition of the second, corrected and supplemented*. Kiev, Tipografiia A. M. Ponomareva pri uchastii I. I. Vrublevskogo Publ. (In Russian)
- Talapina, Elvira V. 2020. Human rights and digital sovereignty. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* 6: 10–15. (In Russian)
- Zalnieriute, Monika, Moses, Lyria Bennett, Williams, George. 2019. The rule of law and automation of government decision-making. *The Modern Law Review* 82 (3): 425–455.

Received: January 21, 2024

Accepted: December 27, 2024

Sofia Y. Filippova — Dr. Sci. in Law, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-6377-2137>, filippovasy@yandex.ru

Yulia S. Kharitonova — Dr. Sci. in Law, Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-7622-6215>, sovet2009@rambler.ru